

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Говорить и писать о войне всегда сложно и ответственно. Но рассказывать об этом нужно, чтобы воспитывать чувство патриотизма в людях, любви к родной земле. И чтобы очередное поколение передавало память о тех, кто сражался за Родину, следующему. В целях сохранения и увековечения памяти о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов был проведён Всероссийский конкурс сочинений «Без срока давности». В Таштагольском районе победителями муниципального этапа конкурса стали ученица 6 класса гимназии № 2 Кристина Орлова, учащаяся 8 класса школы № 1 Наталья Пятова и одиннадцатиклассница школы № 9 Софья Болдыкова. Публикуем работы школьниц.

ЖИЗНЬ, ПОДАРЕННАЯ ГЕРОЕМ

- Смотри-ка, Яша, гадюка! – закричали ребята. Яков одёрнул руку – под кустом спелой земляники, свернувшись в клубок, лежала чёрная змея...

С туюсками и корзинками, полными запашистой ягоды, компания деревенских мальчишек и девчонок высыпала к просёлочной дороге, и шофёр встречной машины бросил ре-

сёлый парень, запеваля среди молодёжи, он, как и все приисковские ребята, рвался на фронт, писал заявления: «Стреляю отлично, прошу отправить на фронт». Но призвали его только в 1942-м году, когда мальчишке исполнилось 18 лет. Провожая сына, отец напутствовал Якова:

- Служи честно, сынок, так же, как мыл золотишко.

Попал Яков Баляев на Тихоокеанский флот, в морскую пехоту. Прошёл школу боевой выучки. За Яшей, так его любовно называли товарищи, не-

нии города Сейсин от японских империалистов. Яков Баляев был включён в разведгруппу, которая, выполняя задание, наткнулись на здание тюрьмы. Уничтожив стражу, освободили узников. После всего увиденного ещё с большей ненавистью бил врага: перед изумлёнными солдатами стояли людские скелеты с заломленными за головой руками и скованные цепями. Среди них были женщины с детьми, уже не способные передвигаться от голода.

Однажды, в один из этапов боя, товарищи Якова Баляева оказались в окружении. Выручать боевых друзей отправился Баляев.

- Я пойду один, – решительно кивнул головой Яков, – умею маскироваться, менять позицию.

Ночью Яша пробрался в тыл врага. Он пытался запомнить всё, что встречалось ему на пути. Разведав, полком возвращался назад, но свет от вражеского прожектора предательски осветил его... Живой и невредимый, с важными разведанными Яков Баляев, ничуть не отдохнув, снова просится в разведку:

- Я лучше всех знаю дорогу. Буду продвигаться вперёд, указывать путь!

Опять он в глубоком тылу, гранатами и пулемётным огнём гасит одну за другой огневые точки противника, как вдруг почувствовал обжигающую боль в ноге. Но думать о ране было некогда. Продолжая вести огонь, он лёг на землю. В диске пулемёта закончились патроны. Пока Яков менял диск, враги приблизились вплотную. Баляев стал отстреливаться в упор, но пулемёт вновь замолчал. Тогда, схватившись за раскалённый ствол оружия, он стал бить им врага словно дубинкой. И бил до тех пор, пока способен был видеть их озверевшие лица...

Как уходят герои? Понимают ли они, что герои – это не люди со сверхспособностями, не великаны и не богатыри? Яша Баляев, мальчишка из алтайской деревни, запеваля и балагур, чью рукопашную схватку с врагом прервала пуля. Сильный удар в грудь: упал сражённый, но не поверженный русский солдат. На склоне сопки, в чужой далёкой стране, матросы подобрали истекающего кровью Якова Баляева:

- Всё, что мог, братцы, сделал... бейте врага до победы, – вымолвил умирающий герой.

...Прошло время, закончилась война. Бороздит просторы Телецкого озера пассажирский теплоход «Яков Баляев», по улице Баляева во Владивостоке спешат куда-то люди; к памятнику-obelisku, установленному в честь Героя Советского Союза Якова Илларионовича Баляева на его малой родине, приходят ребята, несут цветы. Жизнь, подаренная героем, продолжается...

легко было угнаться: смелый и сильный, умеющий подавлять страх и волнение, он был примером для многих.

Война похожа на злое колесо. Раскрутить его легче, чем остановить... В 1945 году война для Якова Баляева не закончилась. В августе победоносного года он с товарищами принимал участие в освобожде-

НИНА

- А помнишь Нинку, ну эту... длинную, худую. В классе с нами училась, – резко выпалила тётя Зоя, как обычно предаваясь воспоминаниям за чашечкой чая с моей бабушкой.

- Часовую, что ли? – с некоторым сомнением сказала моя бабушка.

- Да, да, Часовую. Вот запомнила же, что на «ч» начинается, а саму фамилию вспомнить не смогла.

- Да как же мне её не помнить, соседкой же моей была. В одну деревушку приехали, дома у нас совсем рядышком стояли.

- А я и не знала, что она сельскую жизнь выбрала. Думала, что со своим Петькой в райцентр али ещё куда дальше уедет. Не знаю, как сейчас, а в молодости видной девчонкой была, да и не глупой. Надеюсь, сложилось у неё всё, в счастье да в любви живёт.

Лицо моей бабушки внезапно погустнело.

- Зой, да ты чего! Она ж померла в сорок первом.

- Батюшки свет, да ты что! – всплеснула руками тётя Зоя, явно не ожидая услышать что-то подобное.

- Померла, померла. На моих глазах, считай.

- Господи, помилуй, как же? Усевшись поудобней и тяжело вздохнув, начала она свой рассказ.

- Ох, помню тот день, как сегодняшний. С Нинкой мы тогда не особо контактировали. Насколько я знаю, со школьной скамьи она меня на дух не переносила. Помню, она даже мужу истерику закатывала, как только они сюда приехали, мол, почему именно этот дом, бросить его грозилась, а муж-то ничего сделать не может – дом новый, свежий, тем более казённый, с таким добром привередничать не положено. Долго ещё она меня окидывала своим змеиным, косым взглядом...

Август. Муж мой Володька, да Андрей и Колик – сыновья мои на фронте, одна я осталась, нелегко мне, сердце по ним ноет, а жить-то как-то надо. Тут письмо мне пришло Таньки – сестры моей, что документ какой-то её у меня завалился, уже точно не припомню. В общем, ко мне она собиралась бумажку забрать и недельку-другую погостить. Так радостно мне стало, что хоть недельку кто-то оживит мой, почти пустой, безжизненный дом, кто-то поговорит со мной, не только о несчастье, которое пожаловало в дом практически каждой женщины с приходом войны. Деревня её дальше райцентра находилась. Муж её за транспорт

отвечал, не пустил его копхоз на фронт, уж очень сила да навыв мужской нужен был. Уж не знаю, под каким предлогом, но смог на колхозном грузовичке ЗИЛе Таньку за 200 километров от их родной деревушки увезти. Накануне отъезда узнала она, что немцы в деревню их пришли, и что никто ни въехать, ни выехать оттуда не может. Ну и делать было нечего, у меня она осталась. Тяжело ей было, муж с дочкой в деревне оккупированной, и Бог знает, что с ними происходит. Помню, тосковала, плакала без продыху, душа болела по дому, по родным, да кому легко в жизни живётся? Так, став ещё и сёстрами по горю, вели мы кое-как скудное хозяйство своё. Месяц спустя привыкли мы к нашей совместной жизни и, как в былые детские времена, распределяли обязанности, ссорились и поддерживали, хохотали и плакали вместе, словом, как и в далёком прошлом были роднее всех друг другу.

В один из таких дней как гром среди ясного неба раздалась немецкая речь. Враг прибыл и к нам. Поднимая стену дорожной пыли, подъехал немецкий автомобиль. Вышли и словно оголодавшие звери набросились на дома, хлева. С диким гоготаньем выводили они людей из своих домов, изымали скот, рыскали по дому в поиске провизии. Так и нас вывели. Дом заняли, а нас – в баню. Благо, было лето, но не такие холодные. Нам ещё более гуманные попались, а так некоторые в свинарню и в стайки сгоняли русских, приговаривая, что там им и место. Как и полагается, сразу нас с Танькой загоняли, как они говорили на своём ломаном русском: есть да пить подавай, приказы выполняй и, может быть, в живых останешься. Делать нечего, бегали, хозяйничали, как могли, а они подгоняют:

- Шнеле, шнеле!

Как с их обедом управились, так они нас выгнали. Сидим с сестрой на банном крыльце, молчим. Спонтанность их оккупации вводило в смятение. Каждый думал о своём, но вопрос: «А что же будет дальше?» вставал у нас обеих. Наши раздумья прервал крик с соседнего участка. Из их избы выходили немцы, с ними Настька – Нинкина четырнадцатилетняя дочь. Нет, нет, вернее, немцы её выводили из дома. А за ними Нина бежит, вся в слезах, босая семенит по земле, то и дело, путаясь у них под ногами. Она говорила им что-то, говорила тихо, умоляя, а они её не слышали. Идут, словно её нет. А Настя тоже вся красная, зарёванная, но шла она спокойно, словно

бятая слова, полные тревоги: - Слыхали? Фашисты напали! Война!

Не единожды Яков вспоминал о роковой случайности в тот воскресный день 1945 года: о встрече с гадюкой на поляне земляники и начале самой страшной войны в истории.

Вместе с отцом Яша до войны работал на прииске. Ве-